

ПТЕНЧИК

РАССКАЗ

— А зачем птички плачут?
— Они не плачут, Сонь. Просто кричат.

Лиза никак не могла сосредоточиться и одолеть наконец страницу из приключений Нэнси Дрю.

— А почему так жалобно? — не отставала сестра.

— Ну не знаю, может, улетать не хотят.

— А зачем тогда улетают?

Лиза отдернула пыльную штору.

— А ты в окно посмотри. Видишь? Сыро, холодно, грязно. А скоро река замерзнет. Что им тут делать? А на юге хорошо, тепло.

ДМИТРИЙ МОРДАС

Соня подобрала ноги и укуталась в одеяло.

— Мне вот тоже холодно. Хочу на юг. С ними.

Лиза не ответила. Она продолжала читать в надежде, как обычно, увлечься и забыть обо всем.

— А когда мама вернется?

— Вечером.

— А если она без нас улетела, как птицы?

Вчера, во время бегства из дома, мама сказала: «Мы едем в отпуск. На юг, туда, где на деревьях растут апельсины. И все улыбаются».

Мама тоже пыталась улыбаться, но выходило страшно. И руки у нее тряслись.

Вместо далеких теплых стран она привезла их на дачу бабы Зои. В этот прогнивший, покрытый плесенью дом.

— Ну что за глупости! Вечером вернется.

— А Барби с машиной привезет?

— Конечно, Сонь.

ПТЕНЧИК

Некоторое время девочки молчали, слушая, как на улице кричат птицы и шумит ветер.

— Мне здесь не нравится, — сказала наконец Соня. — Тут плохо и страшно.

«Мне тоже», — подумала Лиза.

Дом пропах сырыми подушками, и все в нем поскрипывало, шуршало. По комнатам гуляли сквозняки, словно кто-то дряхлый, насквозь промерзший бродил, натыкаясь на стены, а то вдруг принимался осторожно копать в вещах, стараясь не привлекать внимания.

«ТОЛЬКО НЕ ДУМАЙ
О БАБЕ ЗОЕ».

Она ведь здесь умерла, в этом самом доме, укрытая кучей одеял и курток. А тряпки теперь лежат целой кипой: старая одежда, полотенца, шали. Все влажное и трухлявое. Мама хотела освободить

ДМИТРИЙ МОРДАС

кровать, но в тряпье завелись мокрицы, а матрас совсем прогнил. Хорошо хоть на кухне раскладывался диван.

— А можно мне на улицу?

— Нет, мама сказала — нельзя!

— А я писать хочу.

Лиза вздохнула и вывела сестру в кусты. В уличный туалет они ходить не решались. Там было темно, и дорога к нему заросла крапивой.

Во дворе росли яблони, вишни, сливы. Баба Зоя очень любила свой сад, но теперь он стал совсем одиноким, заброшенным и, может быть, даже злым. Летом листва служила мягкой изумрудной завесой, сквозь которую было не разглядеть ни улицы, ни реки, ни соседних домов. Но и сейчас переплетения ветвей скрывали девочек от всего мира. Нужно было добавить совсем немного воображения, чтобы представить, что ничего вокруг нет. Только голые больные деревья и высокая мокрая трава.

Дачей давно не занимались. Здесь и летом-то никого почти не было, а в ок-

ПТЕНЧИК

тябре... наверное, на многие километры вокруг только пустые старые дома и пролетающие над ними птицы.

Время близилось к обеду. Лиза читала, а Соня играла с косматой собакой Филей, единственной игрушкой, которую она ухватила во время вчерашнего бегства.

Несмотря на холод, дышать было трудно. Воздух был густой и затхлый. В прошлый раз, когда Лиза была здесь, баба Зоя все время лежала в кровати и не позволяла открывать окна.

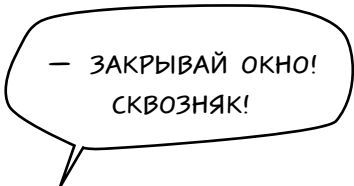
«Закрой окно! — кричала она. — Сквозняк!»

«Она и сейчас здесь, — подумала Лиза. — Люди никуда не деваются — они пропитывают собой все вокруг, как смола. А что, если она теперь — это груда тряпья на кровати, трухлявые доски, пыль?»

Лиза где-то читала, что пыль на сколько-то процентов состоит из частичек человеческой кожи, так что какая-то часть бабы Зои точно все еще здесь.

ДМИТРИЙ МОРДАС

Окно, которое Лиза отрыла в очередной попытке проветрить дом, опять захлопнулось.

— ЗАКРЫВАЙ ОКНО!
СКВОЗНЯК!

Лиза вздрогнула.

На кухне было довольно просторно и светло. Мама просила не открывать шторы, но не сидеть же в полной темноте.

У окна стоял стол, покрытый изрезанной клеенкой, дальше — дверь в предбанник, потом плита с красным газовым баллоном, пожелтевшая раковина. У противоположной стены два шкафа, один с книгами — биографиями каких-то революционеров и романами о рабочих, а во втором громоздилась посуда и стояла непонятно откуда взявшаяся модель подводной лодки.

В спальню же девочки вообще не заходили. В полутьме виднелась только кровать,

ПТЕНЧИК

заваленная горой тряпья, похожая на берлогу какого-нибудь мифического существа.

Бамбуковые занавески, отделяющие спальню от кухни, то и дело колыхались с легким перестуком, словно кто-то тайком подсматривал оттуда за девочками.

Соня тоже обратила на это внимание.

— Пойдем на улицу, — сказала она. — Мне страшно.

Лиза не ответила. Что бы здесь ни было — настоящая опасность притаилась там, на улице. Лиза могла только догадываться, от чего бежала мама. Что-то связанное с опасными людьми. Лиза впервые видела маму по-настоящему испуганной.

— Лиза-а-а-а! — протянула Соня. — Лиза-а-а-а-а! Ну пожалуйста-а-а!

Лиза молчала.

— Ох, — сказала Соня, прислушавшись. — Нас птички зовут. Слышишь?

Вот.

Ли-за!

А теперь:

Со-ня! Со-ня!

ДМИТРИЙ МОРДАС

— Они просят нас выйти!

— Совсем и не похоже. Так что угодно можно услышать, например: Фи-ля! Фи-ля!

— Вот видишь, они и собачку зовут! — Соня прижала к себе игрушку. — Пойдем на улицу. Пожалуйста!

Лиза поймала себя на мысли, что действительно слышит свое имя.

«Замолчите, — подумала она. — Пусть они замолчат».

За окном, на сером лоскутке неба, с пронзительными криками летели утки. Лиза не особо разбиралась в утиных повадках, но считала, что в это время года птицы должны ровным клином лететь на юг, а не носиться как сумасшедшие над опустевшими дачами.

— Ладно, пойдем. Только веди себя тихо. Соня улыбнулась и закивала.

Мама говорила: «Не раздвигайте шторы, не открывайте двери и окна, сидите тихо, как мышки».

Но мама не всегда права.